

*... Духи лжи, готовя нашу гибель,
Сперва подобьем правды маят нас.
Чтоб уничтожить тяжестью
последствий.*

*Зло есть добро, добро есть зло,
Летим, вскочив на помело...*

Шекспир “Макбет”

1

Откуда “есть пошёл” этот самый вопрос о женской доле? В чём там вымысел? Что есть миф, а что — “истинная правда”?

Поделюсь одним из недавних наблюдений: во дворе дома за столиком детской площадки, присматривая за игрой детишек, попивают пиво и покуряют три особы бальзаковского возраста. Одна из них посвящает слушательниц в приёмы облапошивания мужей. (Они, конечно, не первые в освоении такого процесса: и крестьянки, и дворянки, и купчихи иногда успешно осуществляли его). Надо полагать, некоторое время назад эти особы мечтали о замужестве, получили его, и теперь что-то в брачном союзе им не нравится. Развод их не устраивает, но надо же на ком-то отыграть за разочарования. На мужьях, конечно. Да за что же вы их так, бабоньки дорогие? За то, что Бог вас в чём-то обделил? Что ж, по такому поводу убиваться, что ли, искать виноватого? А у замеченных мною за пивком с сигаретками дам, кажется, такое намерение созревает, жалоб на своё неудачное замужество они могут выплеснуть море. И что получается: такие “проблемные” супружницы затмевают своими жалобами основную массу нормально живущих хозяек, самостоятельно решающих конфликты и терпеливо переносящих невзгоды.

Конечно, бывают семейные конфликты, которые жена самостоятельно не может разрешить, хотя она старается быть терпеливой даже в униженном состоянии, надеясь на молитву или на счастливый случай. Тогда обществу приходится вмешиваться в семейные дела и спасти жену. Но это другой разговор, не об этом я собираюсь писать.

А вот о чём.

Куда ни глянь, к чему ни прислушайся, всюду в потоке информации неизменно присутствует отражение переживаний и страданий, наполняющих

в избытке “женскую долю”. Все эти “страдания” — и в группе “умеющих жить”, и в группе живущих по закону и моральным нормам, — если коротко определить, сводятся к претензиям. Кто же им, далеко не “сырым и убогим”, теперь-то мешает, когда патриархальное давление с них снято (и следа-то его не сыщешь!), права полов уравниены законами, а в формируемых теперь обычаях уже виден явный перекосяк в пользу женщин, и их общественное положение находится в их же руках? Нельзя сказать, что биосферная роль женщин (с учётом достижений медицины) более уязвима, чем мужская. Представляется, что “женский вопрос” навязывается обществу без объективной необходимости заострять на нём особое внимание.

Ведь, по большому счёту, “доля” на Земле у всех одна. Политические и экономические объединения ни для кого не закрыты. В профсоюз шахтёров на равных могут войти оба пола, но само собой понятно, что женщины в забой не опускаются, и в таком ограничении ничего унижающего их нет. В любые зарегистрированные минюстом партии вступление никому не заказано — выполняй только параграфы Устава. Не заказано и положение в органах управления, — главное (это уже твоё личное дело), соответствуй требованиям начальников независимо от того, мужчина ты или женщина. И от природных, и от социальных факторов у всех зависимость одинаковая. А если кажется, что ущемляют твои права, — попробуй обратиться в суд. Федеральный или общественный, товарищеский. Такой суд представляет наше телевидение. Вот один такой случай и был вынесен им на экспертное обсуждение.

Молодая женщина, мать троих малолетних детей от разных мужей, служит древнейшей профессии с усердием, не оставляющим ей времени на выполнение самых простых родительских обязанностей. До того доходило, что ранним утром по пустынным улицам посёлка бредут её малютки в поисках добрых людей, и милицейский наряд вынужден устраивать их в больницу — накормить и обогреть при живой матери. (Такие брошенные дети напоминают нам “ужасы проклятого царизма” на картинах передвижников). За подобные упущения в воспитании грозит матери лишение родительских прав. Все зрители по обе стороны телеэкрана возмущаются поведением родительницы: “Лишить её!” Она сидит, молчит, смотрит замороженным взглядом. И тут какой-то добродух, не поддерживающий жестокое решение общественности, призывает пожалеть несчастную женщину, так как сама она прожила своё детство сиротой. Но при моём искреннем сочувствии положению этой действительно несчастной женщины, у меня возникают вопросы: в какой степени её вину перед своими детьми можно оправдать её сиротством? как она сиротой стала? Почему в семнадцать лет она оказалась неподготовленной к возможным рискам при самостоятельном общении с разными личностями в обществе, от которого, как открыл нам классик, “быть свободным нельзя”? Дальше — больше.

Внимательный читатель и слушатель из обывателей в курсе всех разговоров широчайшего спектра о беспардонном поведении представительниц прекрасного пола: от непонятого движения феминисток, — между прочим, они хотят иметь собственное мнение и убеждения (неужели не хватает?) — до подростковой беременности при кажущемся или явном затухании материнского инстинкта, на что указывают участвовавшие сообщения о брошенных, иногда жестоко, матерями младенцах. (Некоторые сообщения в голове не укладываются: мать продала новорожденного за модный телефон — во, какая продвинутая! Ещё дальше “продвинулась” другая мамаша, заявившая о желании улететь с командой исследователей на Марс. А детей кому оставит?) Телевидением напоказ выставляется бесстыдство, выворачивается подноготная артистической (семейной!) жизни (для подражания, что ли?). Это при воплощённой теперь давней мечте замученной патриархатом женщины о воле. Воля перед нами. И что на виду? А на виду сейчас, как и раньше, нравственность упирается в чувство меры. Ещё древние высказывали некоторые сомнения в наличии этого чувства у женщин. (Теперь мы должны уточнить, — не ко всем это замечание относится.) Кажется, Марк Порций Катон Старший, римский консул (избави Бог, какой домостроевец!) ещё в 195 году до новой эры вопрошал, можно ли, дав волю женщинам, надеяться, что они сами полагат предел своей вольности? Неужели у него были основания так полагать?

Не отягощая больше своё вступление ссылками на упоминание женских проблем в СМИ, на форумах и элитарно-научных конференциях.

Не готов высказывать мнение о разрешимости “женского вопроса”. Ограничусь малым: посмотрю, что типические находят “инженеры человеческого душ” в общем потоке событий, происходящих с борющимися за улучшение своей “доли” женщинами.

Попробую обнаружить итог многолетней борьбы за свободу, равенство и процветание “слабого” пола, отразившийся в случайно выбранных мною художественных произведениях авторов – наших современников. (За поступающую читателям продукцию с явно психиатрическими сюжетами я не берусь; чтобы анализировать эту писанину, нужны специальные знания, мне не доступные). Заодно вспомню творчество И. С. Тургенева, одарившего историю (не только литературы) особенными “тургеневскими барышнями”, теми самыми, что, на взгляд Н. Гумилёва, “надменны, нежны и чисты”.

Предварительно приведу мнения известных в истории России людей о серьёзности и важности роли литературы в социальном процессе. Ещё в позапрошлом веке “одарённый дилетант” (по определению литературной энциклопедии) Василий Петрович Боткин высказал мнение, что на литературу у нас начали смотреть “как на самый могущественный проводник в общество идей образованности, просвещения, благородных чувств и понятий”. А Афанасий Афанасьевич Фет в одном из писем 1879 года указывает конкретный пример влияния литературы на общество: “Когда Шиллер написал своих “Разбойников” – студенты ушли в Богемские горы на разбой. И чем выше голос говорящего, тем ужасней последствия недоразумения его речей”. Комментариями послужат следующие заметки.

А теперь – к теме.

С какими же героинями выбранные мною авторы знакомят нас?

2

В рассказе “Всё нормально” Романа Сенчина мы встречаемся (пишу мы, так как у Сенчина много читателей, а не один я) с женщиной лет тридцати семи, кандидатом исторических наук, приехавшей из какой-то южной области на конференцию в провинциальный педагогический университет чернозёмного региона и встретившей там доктора исторических наук москвича Чеснова. Обсуждению темы собрания учёных историков (“Крестьянство – опора государства Российского”) автор значения не придавал; так, несколькими мало значащими строчками упомянул только, да и понятно, почему: конференции такие проводились, по существу, ради того, что “происходит по вечерам за банкетным столом”. И основному герою рассказа Чеснову, “профессиональному участнику всевозможных научных собраний”, за банкетом и после банкета “ведь действительно нужно с кем-то сойтись, чтобы эти три дня не были совсем уж пресными” (здоровый мужской взгляд, ничего не попишешь!). Его единственное “историческое” высказывание (открытие?), относящееся к теме их собрания, автор приводит при описании постельных действий: “Крестьяне не знали презервативов, вот и плодились... и Россию кормили”, – заявил Чеснов партнёру.

Итак, она звалась Ларисой. Сидя за банкетным столом после первого “трудового” дня, посвящённого обсуждению крестьянских забот, она подумала, что не плохо бы сблизиться с этим обаятельным доктором исторических наук. А Чеснов ещё в зале обратил внимание на симпатичную, “налитую здоровой полнотой” коллегу с несколько тяжеловатым задом, неудачно упакованным в шорты. Они переглянулись, перебросились короткими фразами и вскоре лежали рядом на двуспальной кровати мужского номера гостиницы. Выпили, закусили, он влез. Слез, плеснул себе в стакан: “Тебе налить? – Чуть-чуть”. Выпил, смотрел в потолок, влез, слез, плеснул опять. Лежали рядом. Говорили о детях. Она поведала о разводе с мужем и вынужденном житье в общей квартире с ним: бывший муж с сыном в одной комнате, она с дочкой в другой. Лариса в быту пьёт предохранительные таблетки, надо понимать – на всякий случай. Иногда бывает и с мужем близость. Мужчин, призналась она, у неё после развода было меньше, чем хотелось бы.

Об интеллекте её и эрудиции по тексту рассказа трудно судить. Мы узнаём, что “Архипелаг ГУЛаг” оставил в душе Ларисы глубокий след. При этом свой взгляд на прочитанное она выразила пессимистично: “Большой разницы между знающим и незнающим нет. Повседневность всё застилает, вытравливает

все знания”. К такому выводу Лариса приходит на основе наблюдений за коллегами или на основе собственного жизненного опыта? Может быть, она жалеет своё время, затраченное на образование? Лучше бы было ей научиться какому-то полезному умению? Понять из повествования Сенчина, почему так решила женщина, трудно...

Обратим внимание только на поведение и слова Ларисы. Выпив “на посошок”, она глянула “ему ниже живота”, но он отказался, сославшись на усталость. Она, видимо, не собиралась уходить из его номера, а он пренебрёг ею! В конце второго “рабочего” дня за ужином в ресторане Лариса посылала призывные взгляды Чеснову, всё-таки ожидая продолжения близких отношений, а он не реагировал. Тогда ей пришлось сдаться на приставания писателя-почвенника, тоже участника конференции. Обидно! Так вот понадеялась женщина на верное плечо случайного встречного, а он, попользовавшись её слабостью только разок, взял и отвернулся. Нехорошие мужчины, ненадёжные!

В итоге за время конференции Лариса получила некоторую порцию семени для здоровья. И то хорошо, не впустую съездила!

Это действительно всё, что автор сказал о женщине в одном эпизоде своего произведения. Сказал о её разводе с мужем из-за того, что надоели друг другу, – вот невидаль-то! А ради чего было предпринимать развод, если жить раздельно негде, если мужчина ей всё-таки нужен? И каково детям Ларисы при избранной ею самой “женской доле”? Какой пресс испытывает героиня рассказа? Что давит её? Недостаточно успешный поиск партнёра? Разочарование в знаниях, ею полученных? Чем же ей помочь? Обернуться, внимательно рассмотреть путь освобождения от гнёта и найти развилку, на которой общество свернуло на неверный путь? И пойти другим путём? Можно продолжать задавать вопросы. Однако автор решил обойтись только минимумом штрихов в обрисовке характера незначительной, надо понимать, для него персоны. Значит, так, не углубляясь в причинно-следственные связи, и мы должны воспринимать его картину.

3

Если у Сенчина женский образ играет вспомогательную роль (нужно же Чеснову с кем-то “переспать”), и эпизодик с участием героини оставляет читателя в неведении многих сторон формирования личности Ларисы, то у Юрия Буйды в повести “Нора Крамер” женщина – главное лицо, и всё повествование полностью посвящено ей. Читателям представлен российский вариант Золушки в период становления “нового строя”.

Элеоноре Ложкиной в детстве не нравилось её имя, так как его уже носила американская актриса Дузе, а делиться наша Золушка не любила. И вот эту внешне нескладную девчонку “фея” по имени Буйда “вывела” на вершину московской театральной славы. “В будущем своём величии она никогда не сомневалась”, пишет автор о своей героине. Обратим внимание: *никогда* – то есть и тогда, когда посещала все детские кружки от самбо до драматического. О каком величии она тогда, до открытия своего призвания к театру в выпускном классе, мечтала? Автор раскрывать этих сдвигов в сознании героини не пожелал.

Жила наша Золушка в провинциальном городке. Мать – продавщица продуктового магазина, имевшая навар с отпуска товаров в долг. Нажиться на этом она не сумела, наварить на “наваре” не смогла, и дочери даже начальный капитал не обеспечила. (Невероятно! Известные мне по жизни, а не по беллетристике некоторые продавщицы, реализовав те ещё накопления в наше время, обеспечили себя неплохим жильём и дочерей устроили на хорошую чистую работу. А те труженицы прилавков, у которых накоплений оказались меньше, чем у счастливиц, близких к ранее дефицитным товарам, без особых сложностей доживают свои дни достаточно материально обеспеченными).

Лена поняла своё призвание трагической актрисы после того, как в драмкружке продумала и прочувствовала стихотворение Ф. И. Тютчева “Вот бреду я вдоль большой дороги...”

“Она всегда умела добиваться своего”, – утверждает автор. Сама?

После школы в медицинское училище поступить не смогла, устроилась продавщицей москательных товаров и вышла замуж за только что демобилизованного соседского парня, родила сына, умершего в трёхмесячном возрасте,

а вскоре оказалась свидетельницей самоубийства мужа в присутствии своей матери и её сожителя. Почему молодые у тёщи жили, хотя рядом дом родителей мужа?

Деятнадцатилетней искательницей счастья в 1991 году Элеонора подалась в Москву поступать в театральное училище, но сроки приёма документов к тому времени уже прошли. И путь на сцену начался с различных работ.

Это было в те самые времена, когда “элита” бесшабашно тратилась на развлечения, а в приземлённом пространстве всё чаще встречались на улицах спивающиеся русские женщины и почти перестали встречаться беременные. Безработные отцы семейств собирали пустую посуду и металлолом, их сыновей накрывал психоз от личной неустроенности, а их дочери, уже не особенно стесняясь, подрабатывали и на жизнь, и на смерть своими телами. Гражданский мир раздваивался, растрескивался и вдоль, и поперёк, и горизонтально, и вертикально. И границы возникали между образующимися мирками, и всё глубже становилась между ними пропасть, и всё больше оказывалось вокруг чужого.

Путь Элеоноры в этом мире красиво выписан “феей-конструктором”.

Удачно встретила приехавшая за московской славой провинциалка приютившего её – безденежную – старичка-киоскёра. Работала уборщицей в метро. Находящая время для посещения театров и кино. Читала Кафку. Через подругу своего доброго старичка устроилась домработницей к отставной актрисе Сухановой, которая упростила серьёзных знакомых помочь провинциалке поступить в театральное училище. После смерти Сухановой, живя в студенческом общежитии, попала провинциалка на глаза хозяйке стрип-клуба Лизе Феникс и сразу успешно выступила на сцене. Где и когда Ленка научилась стриптизу? Ведь на приёмном показе в клубе всё делала так, что “у неё чуть подошвы не задымились”, за что вся обслуга увеселительного заведения аплодировала ей и смеялась! Ну, прямо киношный сон!

“Она тогда жила весёлой и страшной жизнью, как в горячем сне: утром занятия... вечером она становилась Бешеной Элли: шест, боль, яркие огни, стодолларовые купюры в трусиках... россыпь таблеток на ковре, секс с человеком, который утром даже не спрашивал, как её зовут”. Мужчин становилось всё больше; Лизе, хозяйке своей, в ласках она тоже не отказывала. И волшебник Юрий Буйда подводит Ленке делового принца, оказавшегося потомком крымских немцев, – Генриха Крамера. Новый серьёзный знакомый увозит её в Италию (за какие заслуги – читатель пофантазирует сам), там делает предложение руки и сердца, свадьбу справляет в Большом Кремлёвском дворце. На свадьбе тысячи гостей, всех не перечислить: журналисты, политики, звёзды шоу-бизнеса, отставные шпионы, бывшие политзаключённые, бандиты, новые князья и графы – дети палачей НКВД, спортсмены, актёры, епископы... “и каждый второй министр, диссидент и модный философ разгуливал под ручку с патентованной шлюхой”. Потом для друзей жениха-бизнесмена, не въездных в Россию, устроили торжество бракосочетания во Франции, в Гранд Опера... .

У счастливой пары родилась дочка, к несчастью, с физическим недостатком, и на том этапе волшебник-автор избавляет Нору от мужа (почему-то застреленного в очереди у “Макдональдса”, – это после свадьбы в Гранд Опера! Но... неисповедимы пути фантаста), оставляя ей приличную часть богатств погибшего супруга.

Нора Крамер уже была известной актрисой, когда Лиза Феникс познакомилась с Донатасом (Доном) Таркасом, известнейшим режиссёром, “весёлым раздолбаем, пьяницей, бабником” и амфетаминщиком. С той встречи Нора стала жить с режиссёром и готовить постановку “Макбета”. В день премьеры того спектакля Дона застрелил влюблённый в него околоактёрский мальчик из ревности к Норе. Премьера прошла триумфально, а Нора от переживаний за Дона после представления потеряла сознание. Очнувшись она через два месяца на груди волосатого художника, обладавшего большим “достойнством”, Кропоткина, тоже человека небедного, – отправились встречать с ним Новый год в Париж, и три месяца прожила во Франции.

Так вот девочки из захолустья делают свою жизнь сами (или всё же с помощью “феи”?) В возрасте сорока с лишним лет эта психопатическая особа выделяется на сцене, и Буйда пытается разжечь в нас эстетическое наслаждение: “Никогда ещё она так не танцевала, никогда ещё не чувствовала

себя такой свободной, лёгкой, безумной, прекрасной, великолепной! Она взлетала по шесту, вращаясь, изгибаясь и хохоча, и зал кричал от восторга и аплодировал стоя”.

С Кропоткиным они прожили шесть лет, пока не повесилась забеременевшая от него дочь Норы, то есть его падчерица. (Богема, что тут скажешь! Жизнь художественная...)

В этот момент автор удаляет Кропоткина с глаз читателя (потом окажется, что того забрала на улице “скорая”), чтобы в таком трагическом стечении обстоятельств выявить сущность Норы. Подозревая, что совратитель и изменщик подлый скрывается от объяснений, в великом гневе она настойчиво предлагает своему тогдашнему, вроде бы постоянному любовнику, журналисту Бессонову, расправиться с мужем, убить его каким-либо образом, уничтожить, отрубить голову. Так аукнулась в ней по-настоящему леди Макбет. “Фея” расправы не допустила (не допустил, точнее), совратитель дочери обнаружился в больнице, Нора приступила к исполнению роли внимательной жены. А после премьеры “Генерала Арестова” (переделка “Агамемнона” Эсхила) Бессонов застрелил-таки выздоравливающего Кропоткина. И Нора Крамер замолчала. Прошли перед ней вереницей полицейские, врачи, друзья и подруги... Она “молчала молчанием рыбы, молчанием куста”.

Автор утверждает, что Нора “освоила великое искусство молчания”. Искусство молчать параллельно бурному, беспощадному прожиганию жизни — это что-то запредельно философское. “Искусством молчания” по преданиям владели только отшельники. Отшельничеством здесь не пахнет, а видим мы почти на каждой странице безудержное совокупление.

Театрально заканчивается повесть. Всё бегом, бегом, бегом — чтобы к финалу замолчать после убийства мужа любовником. К чему спешить-то было? К высокому интеллекту?

Интеллект в повести исчерпывается броскими сентенциями и афоризмами. Правда, не сама Ленка-Элеонора-Нора — это её окружение умничает. Насколько ярко — судить читателю. Пожалуй, самые откровенные и глубокие афоризмы произносят работницы стрип-клуба: “Любовь любовью, а толстые сиськи всегда сверху”, “У каждой красавицы есть дырка в заднице”. От Сухановой Элеонора слышит драгоценное умозаключение: “Пессимизм, скептицизм и нигилизм продаются на каждом углу, а трагизм надо выстрадать”; от Дона — “Трагедия сейчас никому не нужна, потому что и в России, и в мире все больны, все слабы, а трагедии нужны только сильным и здоровым людям”. Подразумевал режиссёр, вероятно, таких зрителей, которые смотрели “Макбета” в его постановке на Эдинбургском фестивале, в которой “двадцать пять голых актёров с ножами и дубинками в руках, сбившись в тесную толпу, пятнадцать минут молча били и резали друг дружку, а в финале из горы трупов выбирается Малькольм, весь окровавленный, и говорит: “Мы времени чрезмерно не потратим на то, чтобы со всеми рассчитаться за их любовь...” Актуально для сильных и здоровых людей! Надо понимать, от Дона же Нора слышит мнение о шекспировских героях и записывает в тетрадь: “Все живут здесь и сейчас, не задумываясь об оправдании, не оглядываясь ни на людей, ни на Бога... ни совести, ни чувства вины, ни любви, ни сострадания — ничего того, что сегодня считается человеческим...”

Особый взгляд на связь литературы с жизнью Буйда провозглашает устами заведующего литературной частью театра Полонского, просвещавшего Нору: “Искусство романа сродни искусству семейной жизни. У этого искусства есть название — “искусство болтовни”. Надо ведь заполнить чем-то все эти страницы и все эти годы, причём так, чтобы это не убивало ни книгу, ни брак... Искусство болтовни — это высокое искусство, это извесь, которая скрепляет людей не хуже водки и секса...” (Кажется, автор владеет таким искусством в совершенстве! Не без оснований, наверное, специалисты называют его “современным Чеховым”. Но мы ведём разговор о женских типах, так что восторги по поводу авторского мастерства оставим филологам).

На первой странице своей повести Ю. Буйда чётко и ясно перечислил все умения героини — “безгрудой кривоногой стервы с непристойным ртом и мятежным взглядом”. Она физически натренированная (ходила на руках), терпеливая (пила спирт, не закусывая, прятала деньги в заднице), “из ничего делала модные шмотки”, запоминала большие тексты, овладела английским языком, могла пользоваться кастетом, повелевала и подчинялась,

была матерью, женой и любовницей. С такими умениями в разведку надо подаваться, а не в театр! Поскольку не все эти утверждения убедительно представлены читателям, то так и хочется в список умений и навыков добавить способность полоскать горы белья в проруби, пахать, доить коров, косить и выпекать хлебы.

“Фея” по имени Буйда превращает Золушку в театральную принцессу, достигшую мира шамбертена и кортона, мира, в котором мелькали “пидорасы” и лауреаты, лесбиянки, сводницы и бисексуалы, знаменитые художники кисти и слова... Она стала известной актрисой, сыграла Федру и леди Макбет, Заречную и Маргариту Готье.

Наша Золушка разве об этом мечтала?

Так мы ведь не знаем, как рисовала она себе будущую свою актёрскую жизнь, и автор не рассказывает нам об этом, зато выбирает характерные моменты реальной актёрской жизни, в мерзость которой погрузилась театральная принцесса: “тайные беременности, неминуемые разводы, домашние склоки, болезненные пристрастия, любовные треугольники и сексуальные предпочтения”. Кроме репетиций и спектаклей, приходилось участвовать в странных “постановках” после театра, когда Дон “вёл всю актёрскую ватагу к себе... репетиции превращались в оргию в квартире, заваленной клочками бумаги, эскизами, разноцветным тряпьем, шагами, латами, барабанами, знамёнами, пустыми бутылками, пластиковыми стаканчиками и женскими трусиками”. О Господи, тут и без перепоя от одного вида квартиры облеветаться можно!

И всего этого, по утверждению автора, героиня сумела добиться сама. Вот здесь я вынужден заявить: “Не верю!” Как не верю в некоторые её умения, перечисленные автором в самом начале повести, будто заполнял он на неё наградной лист. Это “фея” по имени Юрий Буда “превратила” “высокую, тощую, безгрудую, зубастую, с извилистыми ногами... яркими мятежными выразительными глазами” девчонку в “стерву с непристойным ртом и мятежным взглядом”, охочую до мужиков и привлекавшую их каким-то скрытым от читателя колдовством.

Придираться по мелочам унизительно и неблагодарно, но ведь иногда мелкие небрежности могут вызывать недоверие к основной (если такая есть) мысли автора.

Чем образ леди Макбет привлёк героиню Буйды? Почему провинциальная девчонка приняла близко к сердцу склонность к злу шекспировской героини? Смеем предположить, ей оказались близкими утверждения леди, что, не замаравши рук, не возвыситься, что ради цели возвышения “пусть женщина умрёт во мне, пусть буду я лютою жестокостью полна”. Или Лену-Нору не оставяла мысль леди Макбет: “Завидней жертвою убийства пасть, чем покупать убийством жизнь и власть...”

Мне кажется, Ю. Буйда сочинил историю жизни героини с заданным финалом и подгонкой к нему подходящих эпизодов. Если так, то для чего подано нам произведение в таком виде? Чтобы показать отвратительную изнанку театра, чтобы не вводить девушек в искушение артистическим бытом?

И с дочерью-калекой у Норы просто спектакль. “Они (мать и дочь) занимались лепкой будущей Ньюши – стройной красавицы, привлекательной девушки, секс-бомбы”. Тут “фея” Буйда взмахнул крылом, и доктор Шиц в Швейцарии исправил физические недостатки Ньюши. Она вернулась из-за границы с почти незаметной хромотой, светловолосая, высокая, полногрудая, с широкими бёдрами и правильными чертами лица. Снисходительно посмеивается, что ли, над нами автор, выдавая такой лубок? “Только бы в актрисы не подалась”, – говорит мать о Ньюше. Да, в театр актёру – как в забой идти, не дай Бог! Посмотрите, какие измученные они сидят на телепередачах под присмотром Швыдкого! Хочется клич бросить: давайте, люди добрые, скинемся по соточке на прокорм тем актёрам!

Боюсь ошибиться, но как кажется мне, что авторская оценка всего того похабства, которое буйствует в повести, не слишком негативна. По мнению Буйды выходит, что если бы Нора (Лена-Элеонора) после стрип-клуба не обосновалась в мире шамбертена и кортона, сексуалов всех мастей, лауреатов, сводниц и знаменитейших художников, если бы не имела возможности сыграть свою свадьбу в Большом Кремлёвском дворце, где “каждый второй министр, диссидент и модный философ разгуливал под ручку с патентованной

шлюхой»; так вот – если бы она не пробилась в верхнюю тусовку, то вернулась бы в провинцию, “чтобы выращивать свиней”.

За что же так пренебрежительно относиться к свиаркам-то? Так и хочется призвать: “Постыдились бы!” Да кого призывать?.. Не грамматическая ошибка в художественном тексте страшна, страшно высокомерие, безгранично разрастающееся. Я знаком с многими выращивающими свиней людьми и заявляю ответственно, что их рассуждения, выводы, рассказы намного толковее вымученных баек, навязываемых нам бывшим культур-министром в передаче “Культурная революция”.

Если Лариса у Сенчина естественна, то Нора декоративна, и в целом путь её жизненный, сочинённый писателем, доверия не вызывает. Мелькнули спицы в руках кудесницы, и в результате ажурная безрукавочка получилась. И вот, чтобы Нора просто замолчала, её нужно было “протащить” через весь этот буйдовский лубок!

А итог я хочу подвести строчками Анны Присмановой:

*И полное лишь в сказке, знаю я,
Ждёт замарашку удовлетворение...*

4

В романе Татьяны Лестевой “Круговерть” (СПб, ООК “Аврора”, 2016) читатель встречается не с вершинами театральных шекспировских или чеховских страстей, а с сугубо земными страстями.

Нам представлены три главные героини-ленинградки Светлана, Евдокия и Калерия, и ещё более двух десятков названных и неназванных женщин. В окружении первой героини, Светланы, особое внимание привлекают её мать и невестки.

Мать – заслуженная учительница Ксения Васильевна – целеустремлённая женщина. Цель жизни её состоит в обслуживании обожаемого внука и помощи больному мужу. Похвальные стремления, да тяжёлый она человек. В общении такие упрямые особы, как Ксения Васильевна, неудобны, обо всём они имеют своё конкретное мнение и категорично его высказывают. Такого рода люди требуют от других беспрекословного подчинения и соответствия тем правилам жизни, какие сформировались у них в результате соответствующего воспитания. И они – упёртые – вырастают тираническими личностями. Такова и Ксения Васильевна. Она уверена в правоте своих требований и указаний; задержавшейся после работы дочери выговаривает: “Где ты шлялась? У тебя же ребёнок!” И ей же, после того, как сама спровоцировала уход Светы от мужа: “Ты почему замуж не выходишь?” Не выпускает зятя, идущего навестить мать, из его квартиры: “Не пущу! От сына уходишь! Не пущу!” Тяжелы такие женщины в роли тещ, ещё страшнее – в роли свекровей! Есть у них свои представления о долге – и проявляется этот долг у них весьма гипертрофированно. Так, внуку Юрочке, кумиру семьи, бабушка служила “верой и правдой, не оставляя ни минуты для себя”. Внуку ни в чём не отказывали: возили в Крым, покупали дорогие игрушки. Узкий круг гостей приходил к ним в дом только на дни рождения, а ребята к Юре домой вообще не заходили (ведь могут плохому научить!). “Бабушка заменяла собой всех – и мать, и друзей, а главное – отца”.

Неприятный она человек, и её “правильность” далека от добродетели. С дочерью Ксения Васильевна общается в приказном тоне, а к внуку применяет неподходящие к реальной жизни приёмы воспитания, поощряющие в нём лживость и иждивенчество. Она не подготовила дочь к жизни так, чтобы Светлана могла приспособливаться к сложившимся условиям, мешала правильно формированию отношений матери к Юре. Ксения Васильевна разрушила семью дочери (чего ради?) и породила во внуке глубокую зависть к единокровному брату, имевшему постоянного, а не изредка навещавшего его отца.

Почему эта заслуженная учительница так вредна? В какой “неволе” она находится? В неволе от принятой на себя чужой роли. . .

Невестки Светланы (законные и незаконные) заставляют её часто нервничать. Первая в этом ряду Виолетта. При занятых служебными разъездами родителей, она воспитывалась бабушкой, надеявшейся вырастить из неё артистку. (Внимание: из Юрочки его бабушка стремилась слепить элитного мальчика,

из Виолы собирались сделать не обыкновенную женщину, а – артистку! С такими “необыкновенными” мы уже познакомились в “Норе Крамер”). Но девочка оказалась бесталанной: “не любила читать, не любила школу... любила только танцевать”. В пятнадцать лет на пустынном пляже Виола потеряла невинность с восемнадцатилетним учащимся ПТУ. Пришлось от этого первого и, возможно, единственного любимого человека сделать аборт. Потом ей удалось устроиться горничной на теплоход. Мужики вились вокруг неё, однако замуж не звали. Нужно было самой устраивать семейную жизнь – “выкупить” проигравшегося в казино Светиноного сыночка Юру, ходившего на том же теплоходе помощником капитана. Светлана за него расплатиться не смогла, а Виола, по её собственному признанию, “перетраханная всем пароходом”, стала женой Юрочки и матерью Харитона, ненаглядного внучка Светланы. К мужчинам Виола относилась бесстрастно, просто как к жизненной необходимости. После того случая, когда муж застал её в каюте с каким-то очередным самцом, пришлось семейную жизнь с Юрочкой закончить и искать пропитания. Чувство долга, даже необходимость простой благодарности людям у Виолетты заглушены, она стержневая, эгоистичная особа. Даже уклонилась от участия в организации похорон Светланы, завещавшей наследство внуку Харитону, сославшись на занятость: “Для меня каждый час – это деньги, Калерия Ивановна. Я вам потом все деньги отдам, когда получу похоронные”. Деньги, деньги! Кроме них у неё других интересов нет. Кто навязал ей такую “долю”?

Инстинкты, конечно, спасают женщину – своё нужно брать, иначе семьи не будет. Но гипертрофированное стремление “брать” подавляет любое сочувствие.

Замечательна “долей своей женской” невестка другой главной героини романа, Евдокии – девятнадцатилетняя девушка, сама решающая, как жить вообще и как выходить замуж в частности. Она сторонница предварительного сожительства до брака с предполагаемым супругом. В соответствии с такой схемой полового поведения эта девица через две недели “бытового притирания” с Ярославом ушла к его другу (тому, который потом поспособствовал провалу бизнеса сына Евдокии).

И ещё одна привлекающая внимание женщина, знакомая Калерии, рыжая красавица Мила. Она “надрываться” в семье не хочет. Инженер, телеведущая, экскурсовод, натурщица, она, наконец, вышла замуж за состоятельного московского работника Внешторгэкспорта, но, возмущившись предложением свежести заняться наведением порядка в квартире, ушла от мужа. Вернулась в Интурист, стала валютной проституткой...

А теперь от образов второго плана перейдём к главным действующим лицам.

Начнём со Светланы. Это милая, так и просится слово “забитая”, но не в прямом, а в переносном смысле этого слова женщина. “Забитая” своей мамочкой, своими невестками и, самое обидное, – своим обожаемым сыночком Юрочкой. Детство Светы было действительно тяжёлым, голодным и холодным – блокадным. Юность, обыкновенная для того поколения городской молодёжи: походы в кино, театр, на танцы с одноклассниками и сокурсниками. Выучилась на инженера, работала в оборонном институте. Выйдя замуж за старшего помощника капитана в двадцать шесть лет, Светлана переехала к мужу, освободившись от гнёта родительницы. Так обрадовалась долгожданной свободе, что первые месяцы собственной семейной жизни не заезжала к родителям и даже не звонила матери, но после рождения сыночка была вынуждена принять от неё услуги няньки. Возвращавшийся из рейса муж, вот незадача, – часто ездил повидаться со своей матерью, на что Света обижалась: вместо отлучек мог бы помочь по дому. Тёща выговаривала ему о долге, который перед своей семьёй должен быть не меньше, чем перед матерью. Здесь кстати припомнить деревенский обычай: девица выходила замуж в новую для неё семью, обеспечивавшую ей долгожданный статус, и молодой муж не разрывался между женой и матерью. Ссоры переходили границы. Жене не нравились указания свекрови, мужу – нотации тётчи, и... Светлана вернулась к родителям. Относительная самостоятельность в замужестве оказалась для неё тягостнее, чем материнская тирания. А в родительском доме она “всё больше замыкалась в себе, всё реже улыбалась и чаще отказывалась от приглашений в театр”. Юрочка рос, рос, дорос до студента и нанёс матери первый

оглушительный удар: его за лень отчислили из университета. С помощью отца устроился он через некоторое время помощником капитана, там сошёлся с Виолеттой и, не зарегистрировав брак, отправил её беременную жить к Светлане. Светлана — “мягкотелая”, непрактичная — не могла отказать сыну в приёме на жительство по существу чужой женщины, непонятно в каких отношениях состоящей с Юрой (беременная в гражданском браке дама всегда вызывает вопрос, от кого она беременна; хотя и в зарегистрированном браке может всякое быть). Виолетта расположила свекровь к себе, родила Харитона-Тоника, и молодая бабушка расцвела. Настолько расцвела, что в её услугах наметился явный перебор: она спала при грудном внуке, а мать младенца, “освобождённая от ночных бдений”, спокойно высыпалась в другой комнате! Так ведь по своей природе ночные бдения — это проявление материнского инстинкта, и они не могут передаваться, перекладываться на другое лицо! Однако идиллия не продержалась долго. Когда после хирургической операции Светлане ей потребовалась небольшая уступка от невестки, та забрала Тоника и оставила свекровь одну.

Навалились новые переживания, теперь за внука. Да и Юрочка продолжал расстраивать. Сынок-кумир относился к матери, как к бесплатно доставшейся ему добрейшей служанке. Вернувшись с круиза, он не соизволил повидаться с матерью после её операции, даже не позвонил её, а пошёл к своей парходной б... Зато через четыре дня заехал “обрадовать” мать: они, мол, с женой вместе отправляются в плавание, а полуторагодовалого внука на целый год оставляют Светлане. И она обрадовалась нагрузке вместо того, чтобы отрезать молодых родителей отказом за их оскорбительное поведение по отношению к себе.

Юрочка — отпрыск, искалеченный воспитанием. Энергии его хватает лишь на редкие вспышки: застав жену в своей каюте с иностранцем, в состоянии аффекта он кинулся убивать её острым горлышком разбитой бутылки, да только ногу ей порезал, за что всю семейку списали с корабля... Он игрок, не умеющий сосредоточиться на нормальной работе. Созерцатель без творческой жилки. И хам. Уезжая уже с новой женой, американской хохлушкой Натальей в Москву и забирая от матери свои вещи, выговорил ей: “...ты на мне крест поставила, когда отца выгнала. Лишила меня всего. Мне (доставь) только ты со своим нытьём! Так что клни себя и бабу. Вы мне жизнь разрушили! Вы!”

А до Светланы никак не доходит, что пора затормозить “канитель” с любимым сыном и внуком (к добру ли такая любовь?), заняться, наконец, собой.

А вдруг ей, кроме излияния “любви” на сыночка с внуком, окажется и заняться нечем?..

Каким бы горьким ни было детство Светланы, всё же её окружали добрые люди: отец — морской офицер и мать — учительница. У Евдокии (“Дульси-ней” — для узкого круга подруг) отца в семье не было, мать работала уборщицей. Однако возможности для способных детей из семей разного достатка предоставлялись советской властью равные, и дочка уборщицы получила высшее образование, обеспечившее ей трудоустройство в проектный институт. Юность и молодость Дуси проходили в типичных для того времени условиях. Подробностей того периода автор нам не сообщает и с “любвыми” отношениями этой героини мы знакомимся тогда, когда она уже взрослой женщиной отдыхает со своей институтской подругой Ирой на кавказском берегу Чёрного моря. Близкая, давно знакомая Ире компания местной молодёжи Дусе, по правде говоря, была скучна. Лучик надежды у неё появился на, возможно, нескудное будущее с капитаном исследовательского судна, стоявшего на рейде Пицундской бухты. Вечера Дуся и капитан Николай проводили вдвоём на пляже, в кафе, говорили о жизни, делились воспоминаниями, постепенно сроднились, и вот перед уходом судна в Батуми Николай намечает встречу, когда, по её предчувствию, он собирается сделать ей предложение.

Как вы думаете, читатель, чем должна заниматься женщина днём перед таким значимым событием? Она должна не только думать и представлять, о чём они с капитаном будут разговаривать и как действовать, она должна тщательно готовить себя к такой встрече. (Мужчинам достаточно упоминания о подготовке, а женщины сами знают, как много сил отнимают подробности

прихорашивания, на что времени всегда чуть-чуть не хватает). А чем же занята днём наша Евдокия? С утра поплавав в море, она за обедом оказалась в скучной компании друзей Иры, просидела с ними до вечера (вероятно, для разогрева перед встречей с Николаем), а далее поддалась уговорам Иры и её армянских друзей съездить ненадолго в горную шашлычную. Однако компания там развеселилась, никто не собирался возвращаться быстро, и, помня всё же о важном свидании, Дуся пошла к берегу одна. Через некоторое время догнавший её на машине компанейский Тигран предложил транспортные услуги. Хотя мужчина был ей неприятен, она согласилась поехать, — идти одной оказалось страшно. А он правильно понял, что женщина “созрела” (для него или нет, это дело десятое), и осчастливил её — насильно “доверчивую дурёху” всю ночь. (Горы, Дусенька, тебе не родной ленинградский двор!) Тигран старался не зря: пришлось ей делать аборт. А капитан, не дождавшись, вероятно, на своё счастье, береговую знакомую, бросил в прибрежные воды колючку и уплыл.

Потом у Дуси в любовниках появился харьковский учёный — “бесцветный Борис”, всё никак не решавшийся на развод с женой. Не дождалась — умер учёный. Дуся — женщина добрая, преданная — ездила проститься с ним в больницу. А в тридцать с лишним лет, наконец, вышла замуж за Фёдора и родила сына-вундеркинда Ярослава. Муж умер, когда сыну исполнилось двенадцать лет. И Дуся мучилась сознанием невозможности обеспечить сына так, чтобы он не отличался от других. “Невзгоды, горести, трудности — этого добра ей хватало сполна”. Радовавший своими успехами с детства сын стал приносить одни неприятности. Запутался (или его запутали) в предпринимательстве. В людях он разбирался плохо, места своего не находил; “все начинания его кончались прахом”. Для поиска сыночком своего места в жизни пришлось продать дачу и разменять квартиру, а потом долго жить “подпольно”, прячась то ли от нечестных компаньонов Ярослава, то ли от бандитов, требующих денег. Дуся была *обманываться рада* рассказами сына о том, что в неудачном бизнесе он не виноват, — это его подставляют. Наконец, он погиб в автокатастрофе. Дуся осталась одна, без внуков, в однокомнатной квартире в ста километрах от Петербурга. Доживает в нищете, скрашиваемой кошкой и поездками по воскресеньям в церковь.

В тревоге и запуганности заканчивается земное пребывание подруг. Они находятся в постоянном стрессе, часто обостряется у них страх. Противостоять этому состоянию по бессилию своему (приобретённому или врождённому) они не умеют. Они плохо ориентируются среди людей, замкнуты, не умеют поставить себе ясные цели, затрудняются в осмыслении происходящего. С экономическими последствиями государственных преобразований они сталкиваются постоянно, а кафедрально демонстрационные батальоны горячего перестроечного времени их не касаются. В чём дело? Автор не придаёт этому значения или намеренно показывает женское равнодушие к политике?

Нет жизненного фундамента у Светланы и Евдокии, не заложены в них интересы человеческого рода, и свою “женскую долю” они лепят сами, точнее, идут за обстоятельствами, не сопротивляясь им, — бесхозные, без царя в голове бесхребетные дамочки.

В шестидесятые годы жители Советского Союза посмотрели американский боевик “Великолепная семёрка” о том, как семеро рискованных мужчин, не щадя себя, становятся на защиту обнищавшей деревни от бандитских поборов. И вот несколько ленинградских девчонок-школьниц (среди них и наши подруги) в честь американских парней избирают свою группу “великолепной” семёркой — такой питерский вариант амазонок. Кого и от кого они собирались тогда защищать, автор не рассказывает. Понятно, что не было у них ни горячего, ни холодного оружия и даже Конька-Горбунка в сарайчике не стояло, но “великолепными” им называться и быть хотелось. Но из Светланы и Евдокии защитниц даже своих интересов не получилось, а настоящей защитницей не оружием, а словом и буквой закона стала из всех подруг только Калерия. Она не боится вступать в борьбу за свою честь и честь своей фирмы даже в стенах всемогущего нашего дорогого суда: кому приходилось бывать в руках его, те оценят мужество Калерии. И ведь как много она успевает! Её социальный девиз: “Аферисты не должны размножаться!” А к неаферистам она щедра: отзывается на просьбы и подруг, и далеко не близких ей

людей, нуждающихся в совете, а иногда не отказывает им и в приюте. Калерия сама постоянно тревожится за Светлану с Дусей и их родных, звонит им, выслушивает нерадостные сообщения, подбадривает, спешит на помощь и по просьбе, и по зову своего сердца. Но сама себя “Божьей работой” она не считает. Она трезво воспринимает жизненные коллизии, панике не поддаётся, находчива. “Она твёрдо стояла на материалистической почве, не верила в бессмертие души и загробную жизнь”. Калерия – реалистка, понимающая, что обживать пространство нужно собственными усилиями, а не надеяться на приготовленное кем-то благо. “Масло” (имеется в виду басенное, то, что в горшке с молоком образуется, если не падать духом, а упорно болтать ногами) нужно “сбивать” самой. Для неё “мещане и либералы” – понятия ненавидистые.

Калерия после окончания химвфа университета защитила диссертацию, долго работала старшим научным сотрудником в НИИ, участвовала в практическом внедрении научных разработок, после расформирования института при “демократической” оптимизации пришлось ей заняться предпринимательством, а в последнее время она трудится директором по найму в крупном холдинге. Тоже оказалась матерью-одиночкой, как и её подруги. Муж Клим, военврач, погиб в одной из горячих точек, Калерия осталась вдовой с шестилетним сынишкой Игорем, замуз больше выйти не решилась. Сына вывела в люди, он стал успешным военнослужащим. Сама занята работой и многочисленными социальными заботами близких, не упускает возможности удовлетворить свои склонности и симпатии. Её трепетное отношение к самоцветам не угасло с молодости. Она и ценитель искусства: следит за премьерами в театрах, посещает выставки живописи, покупает (насколько позволяет семейный бюджет) картины, приобретает альбомы репродукций. В отличие от подруг, много избирательно читает. К примеру, “деревенщики” с их особенностями речи её не интересуют ещё с советских времён. Она следит за книжными новинками, покупает модернистов, неореалистов и постмодернистов, предпочитая Проханова, Пелевина и Лимонова, притом оставаясь поклонницей творцов Серебряного века. Правда, все эти увлечения отвлекают Калерию от бытовых занятий ненадолго. Чувствует она усталость “тягловой лошади с вечным двигателем”. Но, кажется, как-то лихорадочно мечется среди проблем близких и дальних родных и знакомых, судебных процессов, увлечений художниками, писателями и театром потому, что боится незаполненности всей этой круговертью времени.

“Был бы жив Клим, и я бы жила иначе”.

Вот если бы был Он!

Почему же нет?

К сожалению, бывает, что умирают безвременно. Но ведь Светлане судьба давала шанс стать самостоятельно вьющей семейное гнездо женщиной. А у неё не хватило терпения (умения?) сжиться с мужем. И вся её женственность обратилась на сына, который без крепкой мужской руки и твёрдого обучения правильному поведению превратился в нравственного уroda.

Или что привело инженера-технаря Милу в стан валютных проституток? Возможно, близкая к богеме работа на телевидении спровоцировала пренебрежительное отношение к неизбежной в семье бытовой лямке?

У Сенчина и Лестевой (Нора Буйды к этому ряду не относится) показаны будничные типы, в сравнении с которыми даже старушки на лавочке у подъезда кажутся намного ярче их и информационно, и эмоционально. Общее впечатление от героинь – не своим делом они вроде бы занимаются, уклоняться от предназначенной роли. Ну, и попробуем оценить самое главное в женщинах, – их привлекательность, соблазнительность для мужчин. Так вот, мне, при всём сочувствии им, ни с кем из упомянутых женщин даже поговорить пять минут добровольно не хочется; о каком уж там соблазне речь! Только мимолётный образ Оксаны в “Круговерти” заманчиво блеснул “вечной женственностью”.

А народу в целом (не только мужчинам) какой от них толк?

Благородную цель провозгласили мечтатели, борцы-эмансипаторы. И вот цель достигнута, есть и воля, и свобода, а получается при этом разброд, шатания и ещё большее недовольство. Много ли “образованности и просвещённости” (вспомним мнение В. П. Боткина, упомянутое в начале) участников научной вузовской конференции показал Р. Сенчин? И станет ли примером

“благородства чувств и понятий” Нора Крамер или Виолетта с прочей молодой, свободной от патриархата порослой из “Круговерти”?

Что, исправлять наше положение придётся опять-таки женщинам, подобным Калерии Ивановне, если рядом с ними в рассмотренных произведениях мужчин, действующих настоящих мужиков, мы не видим? Где же они, настоящие? (А от кого они появятся?)

5

Настоящих мужчин в упор не видел уже (или ещё) “прозорливый” Н. Г. Чернышевский, а только надеялся, что через несколько поколений потомки его современников “будут уметь действовать как честные и благоразумные граждане”. Симпатии и надежды его в большей степени, нежели на мужчин, обращены были на “новую” нарождающуюся на глазах читающей публики женщину. Ну-ну!

Сочувствие тяжёлой доле женщины, не находящей понимания своим чистым помыслам и возвышенным чувствам со стороны грубых, с примитивными запросами, зачастую относящихся к хрупким созданиям враждебно и вместе с тем нерешительных мужчин, начали обсуждать прогрессивно мыслящие наши литераторы лет полтора назад, разбирая в своих длинных статьях подходящий по теме беллетристический материал о рвущихся к свету, свободе и воле представительницах угнетённой по половому признаку группы. Таким благодатным материалом сполна обеспечил критиков Иван Сергеевич Тургенев. Имена его барышень сделались нарицательными. Вспомним некоторых.

Начнём с Аси из одноимённой повести. Чернышевский в обширном труде “Русский человек на рандеву”, положительно упоминающемся и в некоторых статьях нашего времени, выразил поддержку искренним порывам героини и осудил недостойное поведение героя. Что же там произошло?

Семнадцатилетняя девушка Ася, путешествуя со своим братом по заграницам, встретила молодого человека, обозначенного в тексте буквами Н. Н., и влюбилась в него. И герой проявил к ней симпатию. Этим симпатиям окрепнуть бы, но решительная Ася назначает сама (!) свидание и, склонив голову на грудь Н. Н., шепчет: “Ваша...” Асин порыв его и радует, и смущает, ибо Асино “ваша” намекает на близкое венчание, а к такому акту следует относиться с величайшей осторожностью. “Жениться на семнадцатилетней девочке, с её нравом, как это можно!”

— Что мы делаем!.. — восклицает он в ответ на душевный порыв девушки. И после нескольких фраз они расстаются.

К такой развязке отношений подходят герои повести Тургенева потому, что невероятна любовь между Н. Н. и Асей. Тягомотная неубедительность их общения только так и могла закончиться. Любви в повести мы не чувствуем, нас только пытаются убедить, что она возникла у героев. (Привожу оценку самого автора, высказанную в письме Л. Н. Толстому от 8 апреля 1858 года: “Если б мне сказали, что “Ася” вышла отличная вещь, — я бы удивился, зная, в каком душевном расстройстве я находился, когда я писал её, но я бы поверил; а теперь я верю и даже как будто вижу, что она неудачна и плоха”).

Расстаются с болью, но в бытовом плане разрешилась их взаимная симпатия вполне благополучно. Ася получила урок не горячиться в проявлении чувств. Н. Н., хоть и тосковал о миленькой девушке, вероятно, убедился, что пока лучше обходиться кокетничающей со всеми молодой вдовой. Вполне обычный случай в цепи отношений между мужчиной и женщиной. А вот революционный демократ Чернышевский ставит сокрушительный диагноз русскому мужчине.

Эстетик упрекает Тургенева в том, что во всех рассказах, где герой должен бы проявить решительность в объяснении с женщиной, “каждый раз он выходит из этих положений не иначе, как совершенно сконфузившись”, предпочитая всякому решительному шагу отступление. “Пока о деле нет речи, — продолжает громить “мужчин на рандеву” семейный либерал Н. Г., — а надобно только занять праздное время... герой очень боек; подходит дело к тому, чтобы прямо и точно выразить свои чувства и желания, — большая часть героев начинает уже колебаться и чувствовать неповоротливость в языке. “Ромео” (так называет Чернышевский героя “Аси”) не привык понимать ничего великого и живого, потому что слишком мелка и бездушна была его жизнь, мелки и бездушны были все отношения и дела, к которым он привык. Он робеет,

он бессильно отступает от всего, на что нужна широкая решимость и благородный риск, потому что жизнь приучила его только к бледной мелочности во всём”.

При чём здесь мужчины, спросит меня читатель, — если взялся за “женскую долю”, то и говори об этой доле! Так ведь как без контраста? И критик Н. Г. Ч. о том же. . .

Господи, да что же в Асе высокого и великого? Обыкновенная взбалмошная девица. А Н. Н., да и других мужчин вряд ли можно обвинять в осторожности, которую “Ромео” проявил с Асей, и переносить их нерешительное поведение на все случаи жизни. Истории, подобные расставанию Аси с Н. Н., так и должны заканчиваться, потому что в этих случаях у мужчин обостряется чувство опасности, доставшееся нам от наших далёких предков: а вдруг эта хитрая паучиха голову пауку откусит? И, во-вторых, уже без углубления в древность, встаёт важный вопрос: а та ли это женщина, с которой всю свою жизнь должно связать? Не пожалеть бы потом о предпринятой сейчас “решительности”! Ведь “жена не сапог, с ноги не скинешь!” — поэтому в недавнюю ещё пору в народе был принят институт сватовства, осмеянный, окарикатуренный юмористами. В поговорке на этот счёт глубинный опыт общественно-бытовых связей заложен: выбирай корову по рогам, а девку по родам. Все согласятся, что в знании “родов” никто женщин — мать и сваху — не превзойдёт, вот тут-то им и карты в руки.

Но велика сила убеждения искусством, и Асино поведение представляется толкователями литературных произведений благородным образцом раскрепощающейся девицы, а русские мужики — никуда не годными мямлями.

6

В романе “Дым” Тургенев преподнёс читателям ещё один литературный портрет красивой женщины — Ирины Павловны Осининой (по мужу генералу — Ратмировой). Она из рода “настоящих, не татаро-грузинских, а исторических Рюриковичей”, правда, несколько бедноватых. Гордая и скрытная девушка Ирина долго не обращала внимания на Георгия Литвинова, когда он заходил в дом её родителей на правах знакомого семьи. А в какой-то момент возникает между Георгием и Ириной будто бы “взаимность”, и уже не скрывается жениховство. Начали всерьёз поговаривать о свадьбе. На беду или на счастье Литвинова, в тот исторический момент в Москву прибыл Двор, и Осинины собрались на царский бал. Ирина вначале не хотела ехать туда, но отец настаивал и через Георгия уговорил дочь собраться, людей посмотреть и себя показать. Сочувствующий невесте жених поддерживал такой выход (по своему происхождению — сын отставного служаки из купеческого рода и дворянки — он не мог стать участником великосветского торжества). Однако для него совершенно неожиданно на следующий день после бала Ирина, сказавшись больной, жениха уже не принимала и вскоре переехала в Петербург к богатому дядюшке. Там её выдали замуж за военного. Проходит несколько лет. Она приезжает в Баден и узнаёт, что там Георгий ожидает приезда своей невесты Татьяны. Ирине скучно среди генералов и графинь, хочется освежить впечатления, и она напоминает о себе Литвинову — пишет ему записку: “Приходите, я буду рада вас видеть”. Он приходит в номер гостиницы, занятый молодой красавицей генеральшей. Она ему:

— Встретив вас так неожиданно, я сказала себе, что мы непременно должны сделаться друзьями, непременно. . .

Штамп женской речи, произнесённый подходящим к месту действия тоном с соответствующей мимикой и игрой глазами, вносит лёгкое напряжение в мысли мужчины. Приманка заброшена, и вскоре Ирина рассчитывается с Георгием по долгам — за нанесённую ему перед их предполагаемой свадьбой обиду. На другой день она резюмирует:

— Вчера я только долг свой заплатила, я загладила прошедшую вину. . . Ах! Я не могла отдать тебе мою молодость, как бы я хотела, но никаких обязанностей я не наложила на тебя, ни от каких обещаний я не разрешила тебя (намёк на невесту Литвинова Татьяну. — С. К.), мой милый! Делай, что хочешь, ты свободен как воздух, ты ничем не связан, знай это, знай!

Матовая белизна плеч, вкрадчивый голос, торжество красоты и затаённая, почти насмешливая радость, — куда же от этого деться! Благородная

женщина не забывает о своих долгах! Но Георгий-то что учудил: вместо того, чтобы получить с неё по счетам, он вновь влюбляется в великосветскую оболъстительницу и отказывает по-настоящему предназначенной для семейного счастья своей невесте Татьяне. “Блесну”, заброшенную оболъстительницей, он схватил, нужно было умело подсесть, что Ирина выполнила безупречно, слегка отпуская леску и тут же подтягивая к себе бедного щучёнка.

И страсть любовников доходит до того, что они собираются бежать, да вовремя одумывается трезвеющая Ирина: что она с ним делать будет?! Георгий ей в будущем действительно не нужен. А кому она сама-то нужна? Правильно, никому, кроме её мужа. И другого ей замужества не требуется, да и, кроме суеты света, вряд ли что-нибудь ей нужно! А к имеющемуся стабильному состоянию иногда хочется “клубнички”...

Вы, читатель, что-то хотите сказать про измену мужу? Измена – это когда затмение нашло, бес попутал, грех случился, а когда это не из ряда вон выходящее явление, тогда это называется не “измена”, а образ жизни.

Литвинову же остаётся недоумевать, “каким образом он мог опять полюбить это испорченное светское существо, которому “стало уж слишком невыносимо, нестерпимо душно в этом свете”. (Уж если так невыносимо в свете, поехала бы летом в какую-нибудь знакомую помещицью экономию свёклу полоть или за поросятами ухаживать.)

Между тем в высшем свете об Ирине говорят, что у неё озлобленный ум. “Никто не умеет так верно и тонко подметить смешную или мелкую сторону характера, никому не дано так безжалостно заклеить её незабываемым словом”. Да что ж особенного-то? “Высший свет” все ругают, и притом стремятся влезть в него всеми правдами и неправдами.

Как же критика представила эту обыкновенную – как бы она ни относилась к своему постылому окружению – светскую женщину?

Николай Николаевич Страхов, аналитик внимательный, с взвешенным мнением, говорит об Ирине как о “далеко выдающейся над общим уровнем... представительнице таинственной природы” и в статье “Дым” отмечает открытость, искренность и простоту в каждом её слове, задушевность, теплоту, живую прелесть. А не актёрство ли это? И здесь опять, теперь уже от Страхова, как ранее от Чернышевского, слышен упрёк мужчинам. Литвинов, оказывается, “не сочувствует, не сострадает Ирине (да за какие же коврижки он ей должен сострадать? За испытываемые ею муки в высшем свете, что ли? – С. К.)... Его покорила одна её красота”. Так, может, он чувствовал за такой красотой фальшивость характера? А критик почему-то считает, что Ирина “ищет над собою власти и управы”. Такой поиск, если бы он действительно проявлялся, достоин поощрения, но, судя по её поведению, допустим и другой вывод: она всё время примеряет свою власть на кого-либо, кем можно помыкать.

Высокую оценку даёт Страхов Ирине, относя её к женщинам, “в которых природа воплощает свою таинственную силу, женщинам с таким обилием душевной мощи и прелести, с такой сияющей внутренней и внешней красотой, что перед ними всё покоряется, и высший, и низший свет, как будто перед уродженными царицами”.

Какое нам дело до мнений критиков об Асе и Ирине? Тургенев изобразил их так, как подсказывала ему художественная интуиция. А дальше судить читателю – нравятся ему такие героини или нет. Но тут Тургенев, кажется, уходит в сторонку, и за дело принимаются толмачи его творчества, старающиеся убедить нас в том, о чём у Тургенева мы не читали. Ну, ладно Чернышевский, ему для подтверждения верности стремления революционных демократов надо было возвысить взбалмошную девицу; но зачем “почвеннику” Страхову восторгаться Ириной? И вот не без влияния взглядов таких критиков всякие Аси и Ирины да ещё модельная Одинцова из “Отцов и детей”, боявшаяся сквозняков, затмили образы очень приятных, а главное – нужных женщин: невесты Литвинова Татьяны, жены Аркадия Кирсанова Кати и Фенечки – жены его отца Павла Петровича. (Ах, да! Они же “мещанки”, ненавидные всем “буревестникам” и “буревестницам”!). А образы Аси и Ирины бурно “проросли” в наш век; их “родословие” легко проследить до образов наших современников. Вот свеженький пример для подражания молодёжи – “делать жизнь с кого”. Сразу после публикации повести Буйды (“Новый мир” 2016, № 2) в библиотечном обзоре Нора Крамер названа талантливой провинциалкой, через страшные

испытания ставшей (из какого сора!) звездой русского театра. От такой характеристики погрязшей в разврате особы и “звездануться” можно.

7

Занятый нужным делом человек может упрекнуть автора обзора: “На кой чёрт ты читаешь то, что тебе не нравится?”

Беллетристическая выдумка, “обставленная” трудами критиков, начинает множиться в жизни. Вот как оборачивается пресловутая эмансипация, освящённая литературой. От мужского засилья освободились, волю вольную получили и ринулись подрывать здоровье нации (не следует забывать, что воспроизводство популяции зависит от физического и нравственного здоровья женщины).

Свежие примеры результатов свободы воли — и бесконтрольности.

Две пьяненькие подружки, одна из них за рулём автомобиля, попали в аварию со смертельным исходом.

Двух пьяных москвичек-дебоширок сняли с авиарейса Сочи–Москва. (Что тут страшного-то, перепились бабёнки!)

Двенадцатилетняя школьница в Дивногорске предложила двум подружкам сюрприз, если они повернутся к ней спиной. Они повернулись и получили по два удара ножом.

В интернете школьницы продают свои эротические фотографии.

* * *

Изложение жутких жизненных фактов можно продолжать. А разумные психологи, философы, социологи, физиологи и иже с ними, которых развелось превеликое множество, начали просвещать нас новой теорией: мужеско-женской двойственностью каждого человека. Детей предлагают “девчишками” называть, потому что мальчик и девочка — это названия неверные. Мало нам было теории коммуномарксизма, с интернационализмом никак не распутаемся, теперь андрогенизм овладевает массами. В популярной газете социальный психолог-женщина просвещает стереотипно мыслящую публику в теории этого “изма”, приветствуя уход от традиционного общества и осваивание мужьями профессии домохозяйки. Оказывается, современному миру не нужны представления о мужчине-кормильце и о женщине, “заботящейся только о собственной внешности и воспитании детей, а нужен “андрогинный человек”. Это пишет не шизофреничка (признаков отклонения психики в её тексте не заметно, а человек с нормальным рассудком, женщина, способная осмысливать информацию и производить умозаключения. Она просто игрок, и ей обеспечивают возможность играть понятиями для обоснования теории, отвлекающей людей от полезной деятельности. Если бы этот человек и ему подобные “андрогины” не тратили попусту энергию “размышления” о “динамичных социальных ролях”, “гендерном равенстве”, положительности сожительств молодых людей до брака, о снятии на пути женщин всяческих барьеров в карьерном росте, о наполняемости женщинами представительных и законодательных органов минимум на 50% (это наводит на мысль, что у предлагающих такое соотношение полов является потолком), а выполняли бы необходимые жизненные функции, то не замечалась бы в обществе деградация личности, разложение моральных устоев, апатия и неравенство полов.

Ишь, чего захотел! — скажут расплодившиеся у нас психоаналитические спасатели. Шесть шагов к свободе одного из них публикуются и на сайте, и в газете. Мне особенно понравился совет “каждую минуту своей жизни заниматься только тем, что нравится, и заранее плевать на то, что думают об этом другие, а иначе вместо денег и любви будут болезни и депрессии”. Вспомнилась теория “стакана воды”, вот хорошо-то всем было! (И совсем свеженький пример из “думских” новостей — даже если это шутка, то значимая: женщины-депутаты пожаловались, что из-за переработки не успевают покормить мужей, на что им предложили или сдать мандат и идти на свою кухню, или научить супругов варить суп самим).

Недавно попало на глаза мне простое по форме, наивное стихотворение Дианы Кан, и не выходит оно из головы:

Вспыхнула мысль...

Не прогнать, не унять её!

*Только сегодня — сейчас! — поняла:
самое женское в мире занятие —
хлебные крошки сметать со стола.*

*И караваи заботливо пестуя,
ни на минуточку не забывать:*

*в мире занятые не менее женское —
детские слёзы в подол собирать.*

Неужели есть ещё женщины, так думающие! Конечно, я не рискну призывать к такой “доле” в наше разудалое время всяких продвинутых особ, но хотелось бы.

Смотрю в телевизоре нравственно-поучительное шоу с видеокадрами, снятыми самими участниками события: четырнадцатилетние девчонки жестоко избивают свою подружку. Оказывается, поцелуй мальчика не той достался! Это не Асины праправнучки на волю вырвались? Вот и психологи, педагоги, депутаты и домохозяйки с большим жизненным опытом на том шоу (делать им дома нечего!) обсуждают: как же такое может происходить? Да, ещё там юристы (без них в наше время никуда!) предлагают сразу консультации бесплатные. И в заключение сладкопевчий ведущий выскажет благостные надежды. Пообсуждают здесь и разойдутся по другим ток-шоу, от которых нисколько пользы-то не видно. Воз-то и ныне там.

Да, прав Николай Гаврилович: мужиков на вас нет!

К месту, может быть, будет привести здесь верное замечание Камилы Палья (помня притом все её, рискну определить, “пограничные” симпатии). Она предположила, что если б мир пребывал в матриархате, то мы бы до сих пор жили в травяных хижинах, и не было бы ни моста Джорджа Вашингтона, ни гигиенических прокладок.

И дело сейчас не в отдельных личностях, явно ничем не управляющих. Климат общества, особенно женская составляющая его, настораживает. Упаса Бог — но не докатимся ли мы так до хижин. И ксении васильевны, как наиболее принципиальные исполнительницы, будут запрягать; жалкую лямку потянут ларисы и светланы с дусями, а кнутиком пощёлкают какие-нибудь норы-элеоноры, — мужиков-то не особенно заставишь запрягать и впрягаться, они от женского верховенства всё равно на охоту сбегут. Только ведь, говорят, матриархата-то не было, значит, и возвращаться по спирали к нему не придётся.